

Память огненных лет

Несмотря на воскресный день, жителям Ново-Мордова было не до отдыха: в самом разгаре сенокос. Трава на окрестных лугах вымахала выше человеческого роста, и ее надо было убрать, пока стояла хорошая погода. Этим вместе с другими односельчанами и занимался Ва-

сий сдал на отлично.

Позже прошел слух, что приезжал в Суслонгер Ворошилов с проверкой, многих командиров расстреляли за воровство продуктов. Было, видимо, и такое. Первый раз молодых солдат досьята накормили уже при следовании эшелона на фронт, в Арзамасе Горь-

метнуться за другой лентой. Но не успел сделать нескольких шагов, как подо мной разорвалась граната. Сколько пролежал на земле, не помню. Когда открыл глаза, увидел лишь высокое-высокое небо и подумал, что нахожусь уже на том свете. Но была ужасная боль, ка-

стером. Весть о Победе встретил в Подмоскowie, в Загорске, где стояла их часть. А уже на следующий день было приказано грузить на эшелоны вооружение и отправляться на Дальний Восток, ведь еще не была повержена милитаристская Япония. Опыт наши войска имели огромный, и прошло всего восемнадцать дней с начала боевых действий, как Япония капитулировала.

До пятидесятого года продолжалась служба на Дальнем Востоке для Василия Ивановича, но и после демобилизации не сразу вернулся домой: три года еще работал на судоремонтном заводе в Калининградской области, посылая матери деньги.

...Много воды с тех пор утекло. Давно уже Василий Иванович на заслуженном отдыхе, но без дела не сидит, занимается садоводством, развел пасеку, помогает внукам. Вот только до сих пор дают о себе знать, особенно в непогоду, засевшие в теле осколки. Один пришлось-таки удалить совсем недавно. Плечо распухло так, что пиджак невозможно было надеть. Да еще никак ветеран не может провести себе газовое отопление. У соседей уже есть, а он все осилить не может. Обращался за помощью в разные инстанции, только обещают...

"Всякое в жизни случается,—говорит Василий Иванович.—Все это преодолимо, с любой проблемой можно справиться. Но только в том случае, если не будет войны. Того страха и ужаса, который пришлось пережить, не пожелаешь даже и врагу. Поэтому необходимо ценить мир, крепить безопасность страны. Если страна сильная, никакой неприятель не посмеет пойти на нас войной."

Юность, опаленная огнем

сильий Норов, когда пришла весть: началась война. Поначалу думалось, что все закончится довольно скоро, ведь были уже и финская кампания, и вооруженный конфликт на Халхин-Голе... Но все повернулось совсем не так. Враг наступал, захватывая все новые и новые территории, один за другим уходили на фронт сельские мужчины. Стали приходиться похороны на мужей, отцов, братьев.

В августе сорок второго года дошел черед и до Василия и других его сверстников. Восемнадцатилетние юноши покинули родные дома и надели шинели. Их сперва отправили на подготовку в запасной полк в Суслонгер Марийской АССР. Жить приходилось в наспах выкопанных холодных землянках. Тяжело было с питанием: за удачу считалось найти в свекловичном супе хоть кусочек овоща, небольшую булку хлеба делили на двенадцать человек. Однажды Василий увидел, как собака стащила где-то большой помоть. Рассказывает, что из последних сил догнал ее, отнял драгоценный кусок и с аппетитом съел.

Но учиться старались добросовестно, понимали, что идут не в игрушку играть. Научились хорошо владеть оружи-

ем в ковской области. Василий Иванович вспоминает, что потом на питание жаловаться не приходилось... А впереди был Ленинградский фронт. Последние восемьдесят километров прошагали пешком за сутки с небольшим. Спали, можно сказать, на ходу, прижавшись плечами друг к другу.

Не успели прибыть на место, как их тут же бросили в атаку. Боевое крещение Василий запомнил на всю жизнь. Привыкнуть к боевым будням, по его словам, невозможно, страх присутствует постоянно, только чувства как будто остывают и уходят куда-то вглубь. Спрятаться от смерти зачастую бывало просто некуда: и когда фашист на тебя бежит с автоматом, и когда от разрыва артиллерийского снаряда твое бревенчатое укрытие разлетается в щепки. Через какое-то время Василия ранило пулей и осколками, но он остался на передовой.

Во время одного из боев погиб командир расчета, отбивались от наседавших фашистов из последних сил. Пулемет не умолкал ни на секунду. "Сколько положил тогда фрицев, не счесть,—вспоминает Василий Иванович,—а они все лезут и лезут. Кончилась пулеметная

война на том свете, наверное, не бывает..." Его и еще одного раненого бойца спас санитар. "Так и не узнал, как звали его,—рассказывает ветеран.—Поблагодарил бы от всей души. Если бы не он, неизвестно, что с нами было бы."

Люди в белых халатах потом в течение полугода возвращали его к нормальной жизни. Повидать в госпиталях, особенно фронтowych, довелось многое: солдаты без руки или ноги, тяжкие стоны, крики "застрели меня" или "зарезь"... Как врачи выдерживали все это, не срывались, а продолжали выполнять свой долг?

Пока Василий Иванович лечился, домой пошло известие, что он погиб смертью храбрых, защищая Родину. Этот документ до сих пор хранится в нашем военкомате. Мать немало слез выплакала. Потом сын прислал письмо, в котором рассказал, что с ним случилось. По данным архивов, солдат долгое время считался погибшим. Орден Славы за тот бой нашел его только в начале семидесятых годов, а медаль "За оборону Ленинграда" он до сих пор не получил.

После госпиталя на фронт Василий Иванович не попал, его отправили на переподготовку в Алатырь Чувашской